

ЭСТЕТИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Андрей Теслинов

Aesthetics of conceptual thinking

Andrey G. Teslinov. 30 building 5 B. Cherkizovskaya apt. 26 Moscow 107553 Russia

The article contains some ideas on conceptual thinking technology from aesthetics point of view. The main goal is to discover new features of technology and see any possibilities to increase the volume of “being” in ourselves through capturing “the beauty” in it. The beauty in conceptual thinking can be found both on the surface – techniques and methods – and in its depths – in plans which exist in techniques. The speech comprises such ideas as axiomatic method beauty: beauty of thinking “thrusts”, causing effect, overcoming a distance and solitude of a conceptualist: as well as beauty of “frozen” dynamics of conceptual schemes, grace in a thinker values demonstration, a taste for naming a concept and so on. The research results enable to develop thinking methods making them closer to aesthetic perfect forms.

Природа эстетического взгляда

Со строгой философской позиции эстетическое восприятие не является родом познания. Эстетику направляет слово «прекрасное». Ее предмет есть красота и направленность к ней, а критерий эстетической ценности - чувство радости. Это наслаждение созерцанием предмета, это отказ от попытки познать предмет, но найти повод для Радости. Однако, создание настроения на прекрасное производит некоторые познавательные изменения и в нашем сознании:

- Это настрой на философию, на погружение в существо явлений. Если наслаждение – категория эмоциональная, то осознание причин наслаждения, нахождение оснований прекрасного, то есть сама эстетика предназначается только для философски настроенного ума.
- Через эстетический взгляд открывается возможность все же познать бытие, увеличить его объем в нас – увидеть новые пласты реальности через обращение к прекрасному в ней.
- Это возможность воспеть ценность, под которую можно было бы и стоит подводить все создаваемое. Идея созидания, конструирования, постижения приобретает при этом высокое направление – к прекрасному.

Все это – достаточные основания для того, чтобы, поняв основания прекрасного, попытаться эстетически исследовать любой предмет, например, мышление с намерением открыть в нем новые грани и возможности. Так, например, в мышлении как таковом «радостью является чувство необратимой исполненности смысла» [3], в скульптуре - отлитая в тяжелом материале легкая динамика и пр.

Здесь обсуждаются результаты исследования концептуального мышления как особенной формы постижения реальности с эстетической позиции. Научно полезный

исход этого исследования усматривается в открытии его новых, малоизученных свойств.

Логика открытия прекрасного в мышлении

Местом, где может быть найдено прекрасное, является любой «отрезок жизни» внутренней или внешней. В этом смысле концептуальное мышление – вполне серьезный предмет для него. Прекрасное дается нам в восприятии предмета. Именно оно рождает в нас некую данность, которая связана с этим предметом, хотя и весьма опосредованно. Это означает, что любой предмет в эстетике «берется» в связи с другими. Именно это «в связи» и позволяет открыть новые свойства в самом предмете.

Возникновению данности помогают интуиции, которые «схватывают» ту или иную грань реальности, будучи специальным образом направленные на нее. Это «схваченное» или иначе – выделенная нашим сознанием данность имеет собственные формы, которые могут быть эстетически ценными. Причем, «слоев» таких форм может быть много, отчего красота может содержаться в их количестве, разнообразии, единстве, «игре» и другом. Условие появления прекрасного здесь - «свободная игра форм».

Но поиску прекрасного помогает и нечто другое - мгновенная связь переживаемого (чувственного) и далеко идущая во времени связь опыта. Иными словами, помимо внешних форм в любом предмете нашему сознанию открывается и нечто другое, связанное с ними, что обнаруживается на фоне предмета, проявляется в нем. Благодаря этому процессу внешняя оболочка восприятия наполняется иным, внутренним содержанием. Этот механизм всеобщ. Однако, для этого нужен особенный взгляд, особенное усилие. Воспринятая картина второго плана отделяется от источника своего возникновения и становится объектом нового созерцания. Это созерцание в полноценных эстетических актах выступает как откровение, которое совершается без опоздания. Оно автономизируется от внешней формы предмета. Таким образом, наше сознание начинает иметь дело с двумя «планами» предмета (рис. 1).

Красота здесь зависит от роли первого «плана» в проявлении второго. Бытие красоты лежит в способе явления второго плана. Высокая эстетическая радость имеет дело с дистанциями между нами и предметом и между его «планами». Их существование колеблющееся. «В созерцании и наслаждении мы ощущаем это колебание как волшебство красоты» [1]. Существенное здесь – это целое, которое по структуре раздвоено: реальный предмет и ирреальный.

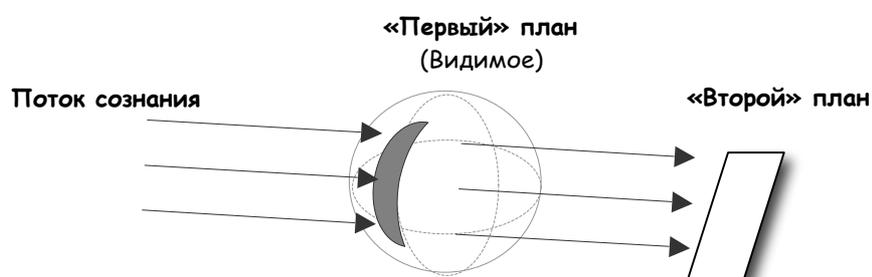

Рис. 1. Схема возникновения «планов» любого предмета

Это «другое» как «задний план» имеет собственную структуру, т. е. многослоен. В эстетике это известно как «закон расщепления заднего плана». Слои «заднего» плана опосредуют друг друга, создавая новые предметы эстетики и поводы для прекрасного.

Таким образом, мы имеем три «дома» прекрасного: первый план, второй план, отношение между ними:

1. Прекрасное форм реальности (природы и другого)
2. Прекрасное другого увиденного, «сознание второго порядка»
3. Прекрасное отношений между планами

Элементами «поверхностной» красоты чаще всего выступают изящество (изящное решение практической задачи), решения по уменьшению негативного качества, ритмика, способы расположения частей предмета, гармония свойств, неправильность в законопослушном и другое. Элементами красоты планов («глубинной» красоты, красоты «отношения») и их проявления могут выступать адекватность внутренней и внешней форм, жизненная полнота решения, выразительность свойств, демонстрация принципа или закона, проявление внутренней целесообразности или глубина безразличия, способ демонстрации плана, способ проявления, красота связей между слоями планов и др.

Что из этого можно найти в концептуальном мышлении как в особенном «отрезке жизни»?

Красота «поверхности» концептуального мышления

Прежде другого в техниках концептуального мышления обнаруживается *красота аксиоматического способа построения понятий действительности* – способа концептуализации. Он состоит в том, что любая родовая концептуальная конструкция строится из минимального количества базисных (нераскрываемых в конкретном акте мышления) понятий и отношений. Получаемое при этом множество видовых концептуальных структур ограничивается аксиомами, что создает основание для большого, но строго отобранного разнообразия понятий - следствий. Это позволяет охватить действительность при помощи простых систем понятий, в которых находит себе место все, что для нас важно в ней знать. Это красиво, поскольку «знание достигает своих высших целей, когда ему удастся работать с наименьшей затратой понятий» [5]. Можно продолжить эту мысль и так - сама философия «мышления мира согласно принципу наименьшей меры сил» содержит красоту жизненности – поскольку абстрактные конструкции как и последние истины, безразлично охватывают множество разнородных конкретных случаев и дают таким образом возможность сразу овладеть в понятии «необозримой полнотой случающегося», то освоивший такое мышление оказывается более живучим в жизненной борьбе.

На «поверхности» концептуального мышления, то есть в его техниках можно найти признаки *красоты мысленных «бросков»* которыми совершается постижение предметов. Речь идет гипотетико-дедуктивной логике мышления при концептуализации предметов. В ее традиции любая реальность сначала постулируется в виде концептуальных схем, а само понимание ее, приближение к ее «деталям», пересмотр этих «деталей» через «оптику» концептуальной схемы происходит позднее. В этой развертке постулированного знания может произойти и разочарование – действительность может оказаться богаче концепции. Но все же что-то важное для исследователя непременно откроется. Мысль здесь откровенно движется эдаким пробрасыванием смыслов впереди себя. Это поведение подобно лучу «прожектора», которым мышление освещает пространство в нужном для себя направлении и изучает

открывшееся. Сила «прожекторного» мышления известна [4, 6], здесь речь идет о красоте «траекторий» мысли.

Любой может усмотреть *красоту в порождающем эффекте концептуальных операций*. При построении концептуальных схем исследователь двигается неторопливо, конструируя лишь контуры пространства для будущих смыслов. Его забота – реалистичный дизайн абстрактного облика смысла. Он освобожден от заботы о частностях, хорошо зная, что всплеск частностей непременно будет. Из этого всплеска конкретных значений смысла он сможет потом выбрать любую «деталь», поскольку все их допустимое и уместное исходному взгляду разнообразие уже просматривается его мысленным взором. Его основная забота – создание архитектуры родового знания о предмете. Красота здесь подобна красоте взрыва – «взрыва» следствий из родового знания. Но не менее красиво и само пренебрежение концептуалиста к «взрыву», за которым стоит полная уверенность в его неизбежности.

Красоту полноценного акта концептуального мышления можно усмотреть *в заботе о разнообразных формах интерпретации концептуальных конструкций*. Эта забота – есть одновременно сознание и преодоление дистанции между интеллектуальным событием, которое происходит при создании концептов, и социальным событием, которое может произойти только при понимании концептуальных решений, при удовлетворительном поглощении концептов другими людьми. Это преодоление дистанции между мыслителем и социумом, преодоление одиночества («мысль – всегда одиночество»). Красота здесь связана с выбором между желанием быть понятым и желанием самоудовлетвориться игрой понятий. Часто выбор падает на второе.

Красота «глубины» концептуального мышления

Кратко можно указать лишь на те «места», где прекрасное выступает в концептуальном мышлении на «задних» планах, оставляя читателям возможность самим найти ее там.

1. Красота «застывшей динамики» в концептуальных конструкциях. Ведь ими происходит постижение жизни в ее естественном становлении через смену наших концепций и концептов. Красота здесь – в сознательном отказе от застывших определений, признание временности любого концепта.
2. Концептодеятельность сама по себе есть философия, то есть, деятельность, направленная к сущему. Плод этой деятельности – смысл как соединение в концепте представления о бесконечной в познавательном плане реальности и актуальных ценностей мыслителя, который из реального выбирает только когнитивно значимое. Этим синтезом реального и актуального отсекается «порция» действительности. Это красиво событием изящной, прикрытой научной формой демонстрацией ценностей мыслителя.
3. Красота смыслового истолкования действительности содержится в противоречии. Один полюс противоречия – завершенность, автономия «схваченного» и выраженного в концептах смысла, отсеченность «порции» действительности от ее всей. Другой полюс – множественность выводимых из этой «порции» следствий. Раскрытие этой «порции» происходит разнообразно, полно, обильно. Это красота бриллианта – размножение и игра многими гранями одного лишь луча.
4. Красота ценностного конфликта, который созревает у концептуалиста и проявляется в его зачастую досрочном прекращении концептуальной работы. Очень часто она оканчивается построением родового концепта. Дальше все происходит по правилу «могу, но не буду...» выводить следствия, «ведь и так все состоялось!». В

этом проявлении бессилия и практической слабости концептуальных работ усматривается след ценностных противоречий: ценность познания сокровенного и наслаждения красотой «наименьшей затраты понятий и интеллектуальных сил», а, с другой стороны, ценность кропотливой и изнуряющей работы по дроблению и разъяснению понятого целого.

5. Красота вкуса, проявляющегося в именовании концептов. «Для того, чтобы окрестить новый концепт, требуется характерно философский вкус, проявляющийся грубо или же вкрадчиво и создающий внутри языка особый язык философии – особый не только по лексике, но и по синтаксису, который может отличаться возвышенностью или же великой красотой [2]».
6. Красота неконцептуального пути выбора интуитивных решений. Это наглядно проявляется в известном анекдоте: «Обращение: девушка, который час? Ответ: извините, но я замужем!». В этом смысле выбранный вариант ответа является одним из тысячи тысяч возможных. Выбор его мог состояться только всуе, в случайном переборе гигантского разнообразия вариантов. Но мгновенный интуитивно сделанный выбор чаще всего точен в таких ситуациях. Эти различия позволяют указать на два отличающихся пути мышления, которые в мире справедливо определяют как путь «мужской» и путь «женской», неконцептуальной логики. Второй тоже красив.

Автор считает, что в данной работе новыми являются выявленные с помощью эстетической позиции свойства концептуального мышления как конструктивной интеллектуальной технологии анализа и синтеза целостностей. След встречи с прекрасным – внутренний резонанс, сопровождающийся чувством радости. В этот миг мы находим то, что нас волнует, перед собой. Эта эстетическая приподнятость является формой настоящего экстаза. И это никак нельзя назвать «бегством от жизни в мир кажущегося». Напротив, это приближение к ней и к эстетически завершенным методам мышления.

Литература

1. *Гартман Н.* Эстетика / Пер. с нем. Под ред. А.С. Васильева. – Киев: «Ника-Центр», 2003. – 639 с
2. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с франц. и послесл. С.Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алтейя, 1998. – 288 с.
3. *Мамардашвили М.К.* Философские чтения. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 832с
4. *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход Пер. с англ. Д.Г. Лахути. Отв. Ред. В.Н. Садовский. – М.: Эдитория УРСС, 2002. – 384 с.
5. *Риккерт Генрих.* Философия жизни: Пер. с нем.. — Киев, «Ника – Центр», 1998. – 512 с.С.353.
6. *Теслинов А.Г., Теслинова Е.А.* Воплощение «пржекторной» теории познания в системах управления знаниями // Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций. Труды 4-й международной конференции в 2-х томах. Том 1/Под ред. В.И. Максимова. М.: Институт проблем управления РАН. – 2004. С. 18-29.